

ПРИЛОЖЕНИЕ

«МАРТОВСКИЕ ПИСЬМА» *

Письмо первое

Дорогая Наталья Петровна!

Большое спасибо за поддержку и теплые слова!!! Со мной и моей семьей все в порядке, просто сначала невозможно было добраться до офиса, а потом начали работать как бешеные, совсем нет времени писать.

Что я могу сказать о революции? Это было страшно. Когда толпа громила Белый дом, была радость, что режим Акаева наконец-то закончится и не будет резни; еще была надежда, что на этом жертва революции будет исчерпана, но... Ночью 25 марта все иллюзии о том, что мы живем в культурном цивилизованном обществе, развеялись. Страшное жестокое мародерство, погромы с человеческими жертвами, пожары, крики и выстрелы по всему Бишкеку — это был какой-то фильм ужаса... Мой сосед-врач трое суток не приходил из больницы, все врачи травматологического отделения работали по 12 часов. Но Вы не думайте, что это только южане принимали участие в погромах, это была чистая провокация — правительственные молодчики, которые спровоцировали побоище у Белого Дома, с кастетами и железными дубинками шли и разбивали витрины, а толпа в 15 тысяч голодных и нищих шла следом и громила все подряд. Причем на юге, где таких погромов не было, народные традиции, уважение к аксакалам удерживали молодежь, а здесь ничего нет — ни традиций, ни культуры. Горожане — это ведь не только те, кто просто проживает в городе, это пласт культуры, который был снесен за эти 15 лет. Это и результат гнилой и лживой системы управления, которая рухнула и осыпалась, как картонный домик...

Но произошло и нечто позитивное: люди, из-за страха толпы, стали объединяться, соседи многоэтажных домов наконец-то познакомились друг с другом, милиция стала объединяться с народом, а не против него; общество в целом активизировалось как никогда. Бизнес сформулировал лозунг «Биз Эл менен!» («Мы с народом!»); КТР наконец-то стал народным каналом, все идет в прямом эфире, мы получаем всю информацию о том, что происходит; по всей стране проводятся круглые столы, формируются гражданские объединения — народные

* Первое письмо, полученное автором от коллеги — сотрудницы одной из неправительственных организаций, подверглось незначительной правке в целях сохранения конфиденциальности; имя также изменено. Второе и третье письма были взяты с сайта Информационного Агентства Ferghana.ru; в них произведены небольшие стилистические сокращения и исправлены орфографические ошибки.

дружины, молодежные движения в защиту порядка и т. д. Горожане кормят дружинников горячей едой, люди увидели друг друга!!!!

Сейчас важно не упустить все это, и задача неправительственных организаций — укрепить эти народные инициативы, сделать их нормой; предложить власти, которая сейчас в растерянности, свою помощь, свои рекомендации; сформировать свою позицию и требовать от власти, чтобы работа с гражданским обществом, прозрачность и открытость стали дальнейшей нормой управления. У нас очень мало времени, потому что власть не умеет управлять по-новому, и очень скоро, как только они поделят все портфели, начнет действовать по-старому. Поэтому мы сейчас работаем очень активно, ведь от нашей работы сейчас будет зависеть наше будущее!!! СМИ должны разработать собственную концепцию в новой ситуации, как они будут свою функцию объективного освещения событий выполнять. На следующей неделе мы планируем провести Форум НПО Кыргызстана, чтобы обсудить все и разработать документы.

Что касается нашего с вами сотрудничества, то оно остается в полной силе, ни о каких антирусских настроениях здесь нет и речи, сейчас все выступают единым фронтом (кстати, жена Бакиева — русская, он учился в Куйбышеве и оттуда привез ее). На юге, где власти прогнозировали всякие межэтнические конфликты и экстремизм, цитирую одну из наших партнерских организаций в Оше: «С точки зрения межэтнического взаимодействия, все было хорошо, как будто спланировали большой проект на взаимодействие узбеков и кыргызов. Во время пикетов, решая одну проблему, узбеки и кыргызы, наоборот, сплотились. Спали под одной крышей, кушали с одного котла». Гораздо острее сейчас субэтнические, клановые страсти. Здесь много работы. Хотя говорят, что один клан сменил другой, и это правда, но правда и то, что оппозиция очень разная. Здесь несколько крупных кланов, и они ищут (пока!) поддержку общества, поэтому есть надежда на изменения, которой не было бы совсем, если бы Акаев ушел как Ельцин, оставив преемника. В Москву я теперь приехать не смогу, и вообще в ближайшее время мы будем работать без выходов здесь.

Обнимаю всех! Мира вам и добра, Гульнара.
Бишкек, 25 марта 2005 г.

Письмо второе

Уважаемая редакция!

Не верьте Акаеву. Он слеп. Он видит только то, как богатеют его дети, как они учатся в престижных вузах. Он не видит ничего дальше своего носа. Людей раздражает, когда по ТВ он хвалится, по его словам, у нас экономика развивается быстрыми темпами, демократия лучше всех (наверное, он даже и сам не знает, что такое настоящая демократия); куда бы он ни посмотрел, все для него так здорово. А людей, которые видят эту несправедливость и которые ничего не могут сказать, потому что их никто не будет слушать, бесят все выступления Акаева... Вы даже не представляете, как у нас в Кыргызстане ненавидят семью Акаевых. 15 лет просидеть на президентском кресле, впитаться как пиявка в него. Он забыл, что прежде всего он президент, что простые люди ждут от него чего-то реального и решительного. За последние два года он практически не ездил по стране, не заглядывал в те поселки, а в отдаленных поселениях он, наверное, за все 15 лет ни разу и не побывал.

Для жителей Кыргызстана эта революция и свержение власти не были неожиданностью, а вот для других стран, которым он нагло врал, что у нас все супер, конечно же, переворот стал большой сенсацией. Я очень внимательно наблюдаю за всеми новостями, которые передают российские СМИ, и меня возмущает тот факт, что идет такая дезинформация. Мы радуемся этой победе, не зная, что будет дальше. Конечно, страшно, но мы верим и знаем, что хуже уже не будет.

А главное, эта революция подняла дух народа, люди объединились... Я горжусь кыргызстанцами, независимо от национальности и расы; такое ощущение, что нам просто мешал жить по-человечески Акаев со своими. Да, я не отрицаю, были мародеры, но они ограбили только те магазины, которые принадлежали семье Акаевых (кстати, все магазины оформлены на подставных лиц). И как не стыдно российским каналам говорить, что киргизы вытесняют русских; это наглая ложь; русские с киргизами живут ооочень мирно, многие киргизы считают своим родным языком не киргизский, а русский. Например, у меня мама киргизка, а папа русский, и что, теперь мама должна прогнать папу, что ли? Русские уезжают в Россию, а потом, не прожив там и года, возвращаются обратно. По национальности я русская, но моя родина Кыргызстан, мои друзья кыргызстанцы, и вообще киргизы — очень мирные и дружелюбные люди. Я могу очень многое вам рассказать, и если вас это интересует, то вы можете связаться со мной по мейлу.

Ж. Мусина, 30 марта 2005 г.

Письмо третье

Вот сижу я, господа, у компьютера в городке одном в Калифорнии. Я заканчиваю университет, за который в большой степени платили мои родители, которые в свою очередь потеряли свой бизнес полностью позавчера, сгорело все в пламени этой «революции» — ущерб больше чем 100 штук баксов, но дело не в этом. Заранее отвечаю тем, кто скажет что-то типа: «Тебе хорошо, сидишь в Штатах, наверное, пожрать есть что; наверное, у тебя есть тачка, наверняка не помнишь, когда ездил на маршрутке» — и всё это правда, и то, и другое, и третье. Я понимаю, что мне повезло пока в жизни больше, чем 99,9% населения Бишкека, и за это я благодарен моим родителям, которые, как я уже говорил, потеряли всё то, что нагорбатили за последние десять лет. Они начинали с 200 долларов, начинали с того, что на велосипеде возили шмотки на Ошский <рынок> зимой в 4 утра, чтобы их место никто не занял. Мать моя ездила за товаром в Россию, Польшу, Дубай, Стамбул — я думаю, в общей сложности она меняла по паспорту в год, потому что не хватало места для штампов. Она ненавидит самолеты, она ненавидит челночество, но тем не менее она это делала последние десять лет, и она, как и мой отец, горды тем, что их сын учится в Штатах, что учится на отлично и что они могут позволить мне осуществить мои мечты. И я им благодарен за это. Таких людей, как мои родители, их много, они на «Дордое», они в «Плазе», ЦУМе, Доме торговли и так далее. Таких, как они, я называю «бишкекской интеллигенцией».

Теперь от меланхолии к делам более практичным. Как вы все знаете, в последние 15 лет наша страна управлялась шайкой коррумпированных паdl. К власти сейчас пришла еще одна шайка, те же самые взяточники, что и акаевская банда (более того, они все из акаевской команды вышли — не забывайте этого!) В этом смысле ничего не изменилось. Произошла перемена другого рода, а именно, народ мобилизовался и понял, что нужно брать дело в свои руки. Когда я сидел в интернете в ночь погромов и мародерства и в ту вторую ночь, когда люди вышли защищать свой город, я не мог ничего сделать, я сидел прикованным к экрану на форумах. У меня до той ночи (тут был день, конечно) были очень глубокие сомнения по поводу будущего Кыргызстана; я думал, что страной правит шайка уродов, и рано или поздно люди с башкой на плечах уедут оттуда. Я думал, что эта самая БИШКЕКСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ укатит рано или поздно, кто в Москву, кто в Германию, кто куда — и многие ехали, как мы все знаем. Ну кто из вас знает наш гимн? Кто знает, с каких слов начинается Конституция? Я не знаю, а если вы знаете, то я рад за вас очень.

Так вот... Я поменял свою точку зрения, когда я сидел в этих форумах, следил за тем, как люди заходили на форум, обменивались телефонами, узнавали друг у друга, что произошло, и как на следующую ночь люди вышли на улицы, как они стали защищать свой город, и у меня появилось чувство гордости за этих людей, за мой город, за мою страну. Не за революцию гордость — нет, все это фигня, а именно за то, как люди повели себя в ту вторую ночь. Я НИКОГДА ДО ЭТОГО МОЕЙ СТРАНОЙ НЕ ГОРДИЛСЯ — У МЕНЯ НЕ БЫЛО ПОВОДА. В те два дня я стал гордиться, этими людьми, многие из которых, я надеюсь, прочитают это мое «обращение»...

Эти люди, эта бишкекская интеллигенция, а я многих из вас, тех, кто читает подобные сайты, считаю таковой (я, кстати, понимаю, что слово «интеллигенция» многим не по духу, и что она бишкекская — это тоже не совсем правильно, таких много и в Таласе, и на Иссык-Куле, и по всей стране, и это люди разных национальностей и конфессий; тем не менее, терминология меняется, суть остается). Эта интеллигенция, я понял для себя, никуда не уедет, потому что люди, которые выходят на улицы противостоят этим дебилам, это люди, которые тут остаются — и надолго!

Так вот, у меня к вам предложение, у меня есть предложение к этому народу. За последние 15 лет эти люди работали, платили налоги в виде взяток нашим налоговикам и не хотели вмешиваться в политику — вроде как грязное это дело, ведь и многое можно потерять, если ввязаться... если спросить их, они скажут: «Пошло это и грязно, да к тому же нужно знать нужных людей, нужно быть киргизом». Сегодня у этих людей есть возможность все это поменять. Это звучит до безумия наивно, но есть реальная возможность начать с чистого листа!

Те два дня показали, что мавров единицы на самом деле, по сравнению с честными людьми, и все эти старушки и маршрутники, что мародерствовали, они делали это от бедности. Бедность материальная привела к бедности душевной, и это вина нас всех, поверьте, я это говорю, зная, что мои родители потеряли всё, что они заработали в течение десяти лет. Ведь каждый раз, когда мы прошли мимо старушки-попрошайки и не дали ей даже сома; каждый раз, когда мы, проходя среди рядов пенсионеров, которые продают полное собрание сочинений В. И. Ленина или свой последний томик Лермонтова, и не купили, не помогли, мы все за это поплатились на прошлой неделе. И то, что вся эта молодежь грабила и жгла всё подряд — они это делали от безнадежности и безысходности... Эти люди, они, конечно, дрянь, и им прощения нет, но у каждого события есть причины, и я вам некоторые возможные причины перечислил. Я отвлекся...

Так вот, я предлагаю вам, люди, начинать участвовать в политической жизни страны, потому что мы никуда не уезжаем, нам тут жить

(и я возвращаюсь в июне, и мне в этой стране жить). Это события показали, что не нужно быть киргизом, или «блатным», или с бабками — нужно просто иметь СОВЕСТЬ. Политическая апатия — это преступление, а демократия (слово, которое вызывает тошноту у нас у всех), она начинается не в парламенте или на выборах, она рождается в умах людей, таких, как эта наша интеллигенция, наша элита, таких, как ВЫ, «человеческий капитал», назовите как угодно. Давайте не позволим новой фальшивой коррумпированной власти прийти к власти. Давайте это сделаем не по конституции, которую никто из нас в глаза не видел, и не по «закону», который, мы знаем, не работает, а по-человечески, как это было сделано во вторую ночь... Я предлагаю начать действовать, начинать участвовать в политической жизни страны, оказывать давление на власти; в предвыборное время ходить на встречи с кандидатами, задавать вопросы, дать знать, что они будут в ответе перед нами, если их избрать; выдвигать своих кандидатов, пусть даже шансов на выигрыш нет... По крайней мере, они будут знать, что закончилась народная политическая апатия. Если та ночь что и доказала, это то, что когда мы вместе, будущее в наших руках!

Игорь, которому уже не все равно.

Калифорния, 27 марта 2005 г.

СПИСОК ЭКСПЕРТОВ *

Аблова Н., директор Бюро по правам человека и соблюдению законности в Киргизской Республике (сентябрь 1998 г.)

Ассаулюк Б. А., заместитель руководителя Представительства ФМС России при посольстве Российской Федерации в Киргизской Республике (сентябрь 1998 г., август 1999 г.)

Брудный А. А., доктор психологических наук, член-корр. Национальной академии наук Киргизской Республики, профессор Американского университета в Центральной Азии (октябрь 1996 г., сентябрь 1998 г.)

Вишневский В. В., президент «Славянского Фонда» Киргизской Республики, член Совета соотечественников при Государственной Думе Российской Федерации (сентябрь 1994 г., октябрь 1996 г.)

Григорьева О. А., кандидат филологических наук, доцент гуманитарного факультета Киргизско-Российского (Славянского) университета (сентябрь 1999 г.)

Демина Л. О., ответственный секретарь «Славянского Фонда» (сентябрь 1994 г.)

Джакупова Ч. И., начальник Управления по миграции населения Министерства труда и социальной защиты Киргизской Республики (сентябрь 1998 г.)

Зайцев Б. Г., советник посольства Российской Федерации в Киргизской Республике (сентябрь 1999 г.)

Запольский В. М., учредитель и главный редактор общественно-политического еженедельника «Дело № ...» (октябрь 1996 г., сентябрь 1998 г.)

Игнатов Ю. С., советник посольства Российской Федерации в Киргизской Республике (октябрь 1996 г.)

Кадракунов М. К., директор средней школы с. Григорьевка Иссык-Кульской области (сентябрь 1994 г., сентябрь 1998 г.)

Карыбаева М., кандидат философских наук, координатор программ Фонда Конрада Аденауэра в Киргизской Республике (август 2003 г.)

* Место работы и род занятий экспертов указаны по состоянию на время проведения интервью.

Миронова Н. А., председатель Совета белорусской общины «Сви-танок» (октябрь 1996 г.)

Мокрынин В. П., кандидат исторических наук, доцент Американского университета в Центральной Азии (сентябрь 1998 г. и два интервью в августе 1999 г.)

Нарозя В. В., председатель Украинского национально-культурного центра «Берегиня» (октябрь 1996 г.)

Остапчук В. И., руководитель Представительства ФМС России при посольстве Российской Федерации в Киргизской Республике (сентябрь 1998 г., август 1999 г.)

Потоцкий В. А., директор социологической и маркетинговой исследовательской фирмы «Инфорекс» (октябрь 1996 г., сентябрь 1998 г.)

Рогов В. Ф., врач, житель с. Корумду Иссык-Кульской области (сентябрь 1994 г.)

Рудов М. А., профессор, директор НИИ регионального славяноведения при Киргизско-Российском (Славянском) университете (сентябрь 1998 г.)

Секретарь сельсовета с. Григорьевка (сентябрь 1998 г.)

Сыдыкова З. Б., главный редактор общественно-политической газеты «Res Publica» (октябрь 1996 г.)

Торгашева Л. М., сотрудник Национального статистического комитета Киргизской Республики (октябрь 1996 г.)

Фомова Л. М., председатель Общественного объединения социальной защиты населения (ООСЗН), сентябрь 1998 г.

Черненко В. И., консул посольства Российской Федерации в Киргизской Республике (сентябрь 1998 г.)

Член сельской управы с. Григорьевка (сентябрь 1998 г.)

Чукин Б. Т., заместитель председателя Национального статистического комитета Киргизской Республики (октябрь 1996 г.)

Шапвалов Ю. П., консул посольства Российской Федерации в Киргизской Республике (октябрь 1996 г.)

Эксперт, занимавший до выхода на профессиональную пенсию руководящую должность в МВД Киргизской Республики (октябрь 1996 г., сентябрь 1999 г.)

Элебаева А. Б., доктор философских наук, профессор Международного университета Киргизской Республики (октябрь 1996 г.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
К ОСНОВНОМУ ТЕКСТУ КНИГИ И СМЫСЛОВЫМ ПРИМЕЧАНИЯМ
(без приложений)

А

Аасланд А. (*Aasland A.*) 484, 486, 505
Абазов Р. 211, 297, 328
Абдуллаев Е. 176, 202, 578
Абирова Д. 13, 192
Аблова Н. 301, 416
Айрапетова Н. 25, 52, 68, 80, 98, 222, 479
Айтматов Ч. 193
Акаев А. 71, 107, 120, 126, 155, 157, 159–161, 168, 169, 296, 302, 343, 344, 366, 531, 540, 541, 572
Акматав К. 566, 567, 577
Акмолдоева Б. 13
Алексеенко В. 54
Алешкина Ю. 198, 546
Алкснис В. 24, 28
Алпатов В. 201
Алтынбекова О. 16
Алфёрова Т. 14
Аль-Хадж М. (*Al-Haj M.*) 547
Анарбеков Д. 107, 565
Андерсон Дж. (*Anderson J.*) 297, 309, 328
Антипина К. 446
Аппадурай А. (*Appadurai A.*) 552
Арель Д. (*Arel D.*) 53, 94
Арзыматов А. 470
Арт Н. 52, 63, 64, 65, 94
Асанканов А. 450
Ассаулюк Б. 70
Асылбекова Н. 14, 197
Ахмедовы А., Д. и М. 13

Б

Багдасарова Н. 543, 545
Байме К. фон (*von Beyme K.*) 406
Бакиев К. 199
Баррингтон Л. (*Barrington L.*) 489, 498, 519, 520, 526, 547
Бауман З. (*Bauman Z.*) 50, 526
Беляева Л. 334
Бердяев Н. 427

Бондаренко Д. 39
Бор А. (*Bohr A.*) 6, 166, 201
Бра А. (*Brah A.*) 497
Брежнев Л. 121, 165
Брубейкер Р. (*Brubaker R.*) 18, 51, 474, 486, 488, 489, 507, 526, 546, 547, 558
Брудный А. 125, 131, 156, 184, 205, 283, 284, 362, 546
Брусина О. 55, 371, 379
Бугай Н. 70
Бунаков Ю. 69

В

Васильев А. 16
Витковская Г. 44, 45, 72, 76, 99, 102, 182, 183, 328, 371, 397, 407, 408, 412, 503
Вихалемм Т. (*Vihalemm T.*) 16, 545
Вишневский А. 369, 370, 434, 440, 469, 495
Вишневский В. 163, 204, 301, 342, 362, 513, 514, 531, 534–538, 540
Вознесенский А. 125
Волков В. 578
Волос А. 514
Вяткин А. 14, 40

Г

Ганнушкина С. 477
Геллнер Э. (*Gellner E.*) 15
Гитлер А. 487, 488
Глушкова М. 545
Горбачев М. 111
Горборукова Г. 13, 14, 360
Градировский С. 23, 24, 28, 52, 387, 527
Графова Л. 67, 68, 480
Григоричев К. 264
Грищенко В. 390
Грозин А. 72–74, 204
Губогло М. 26

Гудков Л. 82, 83, 234, 481
Гудковы 13

Д

Дамберг С. 267
Демина Л. 163, 209
Дербишева З. 546
Джакупова Ч. 208
Джанузаков М. 568
Джигитов С. 130, 565, 577
Дикаревы А. и Т. 14
Докучаева А. 16
Дустум (ген.) 283, 284
Дырылдаев Р. 540
Дятлов В. 475, 479, 503

Е

Евгеньева Т. 39
Егоров Ю. 67, 69
Ельцин Б. 19, 280, 332, 536

Ж

Жапаров А. 14
Жекшеев Ж. 163, 446
Жириновский В. 486, 488
Жолмухамедова Л. 170

З

Зайончковская Ж. 265
Зайцев Б. 194, 539
Запольский В. 113, 118, 121, 126, 128,
205, 338, 360, 416
Затулин К. 25, 81, 474
Захарова А. 546
Зевелев И. 487, 488, 493, 508
Знобищева Е. 164

И

Ибраимов Т. 416
Иванов А. 192, 194, 197, 299, 300
Игнатов Ю. 124, 266
Игошин И. 480
Ильины 13

К

Кадракунов М. 154, 192, 195, 200, 208,
209, 266, 311
Калашников Л. 168
Калинина Н. 478
Канаев Б. 173
Капоторти Ф. (*Capotorti F.*) 561
Каппелер А. (*Kappeler A.*) 428, 469, 495
Карыбаева М. 198
Каррер д'Анкос Э. (*Carrère d'Encausse E.*)
486
Катагощина И. 16
Кашаевы 13
Кеннеди Дж. (*Kennedy J.*) 522
Кейнс Дж. (*Keynes J.*) 362
Кимлика У. (*Kymlicka W.*) 559, 560, 562
Кинг Ч. (*King Ch.*) 491–493, 507
Киплинг Р. (*Kipling R.*) 573
Киселева И. 16, 232, 233, 263, 267
Клиффорд Дж. (*Clifford J.*) 497
Кляшторный С. 19
Ковальский В. 14
Козлов С. 68
Колбин Г. 111
Колесниковы 13
Колсто П. (*Kolstoe P., Kolsto P.*) 16, 53,
113, 132, 158–160, 163, 165, 345, 381,
404, 414, 419, 421, 422, 480, 485, 486,
493, 498, 506, 508, 553–557, 561, 578
Комарова О. 79
Коротеева В. 506
Космарский А. 16
Костюкова И. 14, 39–41, 163, 266
Коэн Р. (*Cohen R.*) 488, 496, 507, 508
Круглов Е. 80
Кудрявцев В. 25, 502
Кузио Т. (*Kuzio T.*) 558
Куклин С. 546
Кулов Ф. 23, 540, 541
Кумсковы 14
Куртов А. 160, 161
Кучма Л. 23

Л

Лapidус Г. (*Lapidus G.*) 488
Лебедева Н. 51, 81, 82, 98, 328, 398–400,
419, 464–466, 480, 504, 527–530
Левада Ю. 54, 374, 376
Лейтин Д. (*Laitin D.*) 25, 55, 201, 498, 499
Ленин В. 178

- М
- Магзимов Ж. 569
 МакАртуры Дж. и К. (*MacArthur J. & C.*) 4, 42, 365
 Мальгин А. 551
 Мамбеталиев К. 570, 573
 Маркс К. 362
 Марченко Т. 481, 483
 Маршевский М. (*Marszewski M.*) 197
 Маслова О. 38
 Массо А. (*Masso A.*) 545
 Маяковский В. 427
 Мезенцева Е. 16, 331
 Мелвин Н. (*Melvin N.*) 493–495, 525
 Милитарев А. 503
 Миронов Б. 469, 495
 Миронова Н. 127
 Михайлов В. 544, 548
 Моисеенко В. 480
 Мокрынин В. 110, 188, 193, 198, 200, 286, 289, 311, 451, 454, 540, 572
 Морозенская Е. 16
 Мосейко А. 39
 Мукомель В. 72, 83
 Муратова А. 13
- Н
- Назарбаев Н. 204, 572
 Намазова Г. 13
 Нарозя В. 539
 Немешина Л. 13
 Никитин В. 477
 Николаев С. 82, 482, 483
 Никсдорф В. 168
 Нолле Д. (*Nolle D.*) 102, 136
 Норгаард О. (*Norgaard O.*) 296
 Нурушев Э. 202
- О
- Омуралиев Н. 13
 Омуралиева С. 191
 Омуралиевы А. и С. 13
 Орусбаев А. 201
 Осмонов А. 438
 Осмонов Т. 567, 568
 Осоров З. 202
 Остапенко Л. 26, 80
 Остапчук В. 69, 70
- П
- Павлович М. (*Pavlovich M.*) 380, 506
 Паин Э. 83, 481, 483, 561
 Панарин С. 14, 40, 52, 370, 426, 470, 547
 Передерины 13
 Пилкington Х. (*Pilkington H.*) 16, 55, 65, 474, 545
 Пирсон Р. (*Pearson R.*) 380
 Подпоренко Ю. 529
 Полоскова Т. 79, 83, 98, 104, 162, 372
 Поль М. (*Pohl M.*) 16
 Поппе Э. (*Poppe E.*) 498
 Потоцкий В. 129–131, 140, 207, 279, 308, 335, 338, 362, 387, 543
 Путин В. 71, 87, 88
 Пушкин А. 200
 Пядухов Г. 71, 76, 204, 216, 365
- Р
- Разгуляев Ю. 266
 Райт С. (*Wright S.*) 201
 Рогов В. 163, 313
 Роговы 13
 Рогозин Д. 480
 Ромасевич Л. 567
 Рудов М. 125, 204
- С
- Савин И. 357, 543
 Савоскул С. 26, 43, 45, 47, 49, 80, 81, 98, 100, 101, 158, 159, 160, 162, 165, 279, 360, 385, 386, 502, 503
 Салтыков-Щедрин М. 573
 Сафран У. (*Safran W.*) 504, 510, 511, 517, 518, 522
 Севастьянов А. 25
 Семенов-Тянь-Шанский П. 325
 Сергеев Б. 477
 Сивашева М. 108
 Симонсен С. (*Simonsen S.*) 493, 506
 Симонян Р. 578
 Ситнянский Г. 81, 266, 578
 Смирнова С. 24, 28
 Смит Г. (*Smith G.*) 495–497, 499, 508, 525
 Собянин А. 544
 Соколов В. 78
 Соколовский С. 33, 552
 Соловьев А. 384

Соя-Серко И. 14
Сталин И. 111
Субботина И. 26, 58, 80
Судьин А. 14
Сыдыкова З. 133, 156, 161, 286, 341, 343,
344, 536, 537, 540, 541, 577

Т

Табышалиева А. 13
Таранова Э. 109, 577
Тимур 111
Тишков В. 16, 28, 31, 32, 34, 52, 53, 78,
79, 83, 160, 370, 381, 383, 474, 498,
500, 504, 510, 515–517, 522–524,
550, 567, 578
Ткаченко А. 548
Торгашева Л. 211, 212
Третьяков В. 66
Третьякова Т. 546
Тупицын А. 24

У

Улеев В. 533
Усенбаев К. 470
Усубалиев Т. 192

Ф

Фаранда Р. (*Faranda R.*) 102, 136
Фирсов Е. 34
Флинн М. (*Flynn M.*) 474, 545
Фомова Л. 540, 541

Х

Хагендоорн Л. (*Hagendoorn L.*) 498
Хазанов А. 15
Хайдаралиева М. 13

Хаски Ю. (*Huskey E.*) 344
Хобсбаум Э. (*Hobsbawm E.*) 54
Хрущев Н. 111

Ц

Царенкова Н. 14

Ч

Чуйков С. 442, 446
Чукин Б. 124, 133

Ш

Шамырканов М. К. 311, 439
Шаповалов Ю. 124, 206, 277, 278
Шейкина Т. 162
Шеффер Г. (*Sheffer G.*) 528
Шигаев К. 13
Шукуров Э. 112
Шукуровы Ш. и Р. 23, 427, 470

Щ

Щербак (Алешкина) Ю. 14
Щербакова Е. 546

Э

Элебаева А. 13, 41, 121, 125, 133, 184,
205, 362, 472
Эшимканов М. 109

Ю

Юнусов А. 546

SUMMARY

The book is based on the critical assessment of the Western and Russian scholarship on the «compatriots' issue» appeared in the 1990s – early 2000s as well as on the rich empirical data. It seeks to sum up the debate on the topic and to outline a new research agenda for the current decade.

Not too much is still known about the lives of Russian-speakers in the near abroad, and this comes in striking contrast with the scale of sociological study of adaptation modes in post-Soviet Russia. Though out-migration from the New Independent States (NIS) has considerably slowed down since mid-nineties, Russian scholars, as well as the press and public opinion, up to the very recent time linked Russian-speakers' living conditions to the migration process. Research interest focuses mainly on potential migrants and, putting it in a more generalized way, on the push factors (ethnic in the first turn) and disintegration trends in the Russian-speaking communities. Throughout the 1990s the so-called «migration approach» dominated political and academic thinking. According to it Russian-speakers had no future in the NIS. Grounds for this conceptual bias are numerous, including the lack of funds for extensive field-work; serious underdevelopment of qualitative sociology and, due to this, emphasis on survey methods; prevalence of primordialist concepts of ethnicity and, last but not least, the high political sensitivity of the research issues under consideration.

However, a tangible share of Russian-speakers have consciously chosen to stay in their countries of residence. Who are these people? Under what circumstances did many of them take a decision to stay; how did they manage to survive first, most turbulent post-Soviet years; what have been their integration strategies (both in economic and cultural terms) and chances for upward social mobility? Turning to mental level, how their civil loyalties and a sense of cultural affinity has been transformed (if at all)? What are (or could be in the future) forms and platforms of Russian-speakers' consolidation and political participation? And, finally, can they face the future under different scenarios of development of this or that new independent state, especially if external (regional and global) «disturbing» factors are taken into account?

The book is the first in the Russian and Western academic literature that attempts to respond to these and many other questions via **micro-level research**, that is, through «**giving the floor**» to the ordinary people representing the Russian-speaking community of one post-Soviet country during the first decade of its independent development. However, though research is focused mainly on Kirghizia, it is not by any means limited to the situation around Russophones in this very country. To show the specifics of the Kirghizstani situation alongside with its commonality in the post-Soviet context, an interregional approach was pursued. The author compares situation in Kirghizia to that in the neighboring states of Central Asia, on the one hand, and in the Baltic countries, on the other.

The innovative character of the book stems from: 1) its thematic composition; 2) empirical base; 3) the angle of approach to phenomena under study as compared with the one prevalent in Russia, and 4) conceptualization of the status of Russian-speaking communities.

1. **A number of topics** relevant to the Russian-speakers' life in the NIS **have not been addressed before**. These are, e. g., the phenomenon of the return migration (back to the former country of residence after living in Russia for some years) to which a special chapter is devoted (part I, ch. 4); strategies of Russian-speakers' adaptation to the new market realities (part II); popular interpretations by the Kirghiz and Russian-speakers of the latter's historical role in Central Asia (part. II, ch. 2).

2. **The empirical data** were collected mainly by the means of **qualitative methodology** during seven field-work trips to Kirghizia (between 1992 and 2003) and field-trips to Tajikistan (in 1996) and Uzbekistan (in 2002 and 2004). This body of material is supplemented by the data collected in 1995–1997 in Russia itself, in the regions of settlement of the so called forced migrants from the NIS. In Kirghizia, more than 75 in-depth interviews were taken in the life-story (migration-story) format; as interviews with a topic-guide, and expert interviews. In addition, the method of participant observation was used; the local Russian-language press was examined on a systematic base and, last but not least, two representative surveys were conducted in 1996 and 1998 among the Russian-speaking residents of Bishkek (the questionnaire included a large number of open-ended questions). Besides Bishkek, the research was conducted in the predominantly «Russian» villages of the Issyk-Kul' region.

3. **On the object of research and angle of approach.**

Millions of Russian and other Russian-speaking residents of Soviet republics found themselves separated from the historical homeland by the collapse of the USSR in 1991. Historically, these settler communities sprang up in the course of centuries-long colonization by the Russian/Soviet state of every near and distant corner of its imperial periphery. These waves of forced, semi-voluntary, and voluntary migration brought to the former Soviet republics millions of people of different social origins, religious affiliations, and ethnicities (e. g., Russians, Ukrainians, Germans, Byelorussians, Tartars, Jews, Poles, Armenians, Koreans), all of whom could be called «the children of the empire» (metaphor proposed by Sergei Panarin). In this respect, the term Russian-speakers (Russophones), implying an ethno-social group with shared historical destinies, common roles, interests, and culture, is more adequate than «Russians» for describing members of the communities under consideration.

In contrast, what has been typical for Russia is ethnicization of the media and academic debate on the Russophones of the «near abroad». Only «ethnic Russians» have been taken as the main object of any activity, whether research, programs of action, or political declarations are concerned. This is not only a violation of historical facts — Russians constituted only a part (though a larger one) of the stream that colonized and developed the imperial periphery of Russia — but is also unjust from the humanitarian point of view (why should Armenians, Ukrainians, Byelorussians, or other peoples sent by the imperial center to develop the distant corners of the country be deprived of Russia's potential support?), and, not insignificantly, politically dangerous.

Another manifestation of this heavily ethnicized approach is that the roots of existing tensions and conflicts in the NIS have been taken as «ethnic», as conflicts

between ethnic groups confronting each other. Not surprisingly, the terms «ethnic» and «ethnicity» have been the favorites in the vocabulary of the bulk of publications devoted to «Russians outside Russia» (ethnic discomfort, ethnic discrimination, ethnic migration, ethnic polarization of the society, etc.). However, another interpretation might also be relevant: what looks on the surface like «ethnic» confrontation is to a large extent a conflict of social (ethno-social) groups engendered by a radical redistribution of power and the restructuring of the Soviet socio-political hierarchy.

If scholarly expertise and political decisions are concerned, the proposed «non-ethnic» approach looks more productive than an emphasis on a clash of exclusively ethnic interests.

First, this allows the avoidance of politicization of the public discourse on the «compatriots issue» being severely influenced by parties and political movements of nationalist orientation.

Second, similar to any other situation when a conflict of interests can be rationalized, a good opportunity opens for «bargaining» in order to establish mutually accepted rules of the game both at the inter-state, inter-group and inter-personal level.

Third, given the rigidity of perceptions of society as divided along ethnic lines, taking conflicts and tensions as «ethnic» makes them, in the people's minds, fatally unconquerable; contrasting situation arises when group members perceive each other through the lens of social status, access to resources or in terms of socio-cultural distance/affinity (see, e. g., part I, ch. 2).

And, finally, the problems of Russian-speakers in the NIS, which are hardly of a unique character, could be treated within the much wider context of the transformation of post-Soviet societies, and through this lens the factor of ethnicity, playing some role on every territory including Russia itself, will turn into just one of the components of a painful adaptation process.

4. Redefining the status of Russian-speaking communities.

One of book goals is to reconsider a heavily politicized vision of the Russian-speaking communities in the NIS as the «Russian diaspora» (part IV).

«Imagined diasporas» are being created by the Russian media and politicians ascribing those features to these communities that are, in the view of advocates of this approach, inherent to «true» diasporas:

- Ethnic homogeneity;
- Heightened feeling of ethnic belonging, specifically, belonging to the «core» ethnos left behind in Russia;
- High degree of solidarity, based, besides ideological unanimity and strong support for leaders, on a developed institutional structure and lack of internal social diversity;
- Striving for «return» and whole-hearted orientation toward the historic (ethnic) homeland as the basic element of identity.

Virtual diasporas that are political constructions created by the efforts of mass media and politicians should be distinguished from diasporas, which are determined by their potential members' feelings and behavior. Thus, there exists a clear-cut division between diaspora as a political project and diaspora as a state of mind (or rather, state of mind and soul, as both rational and emotional dimensions of diasporism «from below» should be taken into account).

The real situation with regard to Russian-speakers is more complicated, multi-dimensional, and open in terms of their future trajectories than is seen by the proponents of «virtual diasporization» in Russia.

First, Russian-speaking communities are rapidly differentiating according to a wide range of existential characteristics as well as consciousness and behavior. A visible line, for instance, divides those «willing to stay» (defined above) and those «willing to leave» (people who would prefer migration to Russia, but do not have adequate resources for resettlement). What is most important is that the Russian-speakers are far from being unanimous in their attitudes toward Russia, perceptions of their homeland, and civil loyalties.

Second, Russian-speakers' consciousness is a complicated and highly dynamic structure; their identities-in-the-making intertwine and compete with each other. «Russianness» as a sense of affinity with Russia is not the only form of their ethnic self-identification (even if only «ethnic Russians» are considered). It is still unclear what kind of allegiance (or combinations) will ultimately gain the upper hand in the Russian-speakers' minds in different parts of post-Soviet territory.

Finally, given this diversity of identities, the forms and ideological platforms available for Russian speakers' consolidation constitute a variety of options.

Besides a primordial component of Russianness (felt as a sense of belonging with the ethnic brethren in Russia), there exists a specific cultural dimension that is most important for those willing to stay. As interview transcripts testify, for many Russians and other Russophones of Kirghizia, adherence to Russian culture and language constitutes a major component of their ethno-cultural identity, and they would want to stay in their country of residence as long as they could use their language freely and enjoy their culture.

In rational terms, Russian-speakers' local identity also tends to be of a «centripetal» nature. Their sense of belonging to a specific cultural community («Central Asian Russians», «Russians of Kirghizia», etc.) is based on a clear awareness that they are different from residents of Russia because they have been living for generations among the peoples of Central Asia, the Baltic region, Transcaucasia and so on.

This was a kind of a dormant identity until the collapse of the USSR. According to numerous field materials collected among Russian-speakers in Central Asia and forced migrants in Russia, their experience of traveling to Russia in Soviet times made them feel clear-cut divisions between «them» and «us» in terms of living modes, morals, every-day culture, and so on. However, these «tourist» observations underwent reappraisal and reinterpretation under the social and political turmoil of the 1990s. Thus, the enormous amount of new and predominantly negative information about life in the «homeland» brought by migration, overlaid on previous impressions and has caused barriers between the Russian-speakers and the «compatriots in Russia» to be more appreciable.

As far as the emotional aspect is concerned, investigation of various facets of perception of Russia by «compatriots» was undertaken, in order to demythologize its notion as of the only and true homeland for the Russian-speakers in the near abroad (part IV, ch.3).

Turning to the Russophones' prevalent modes of collective action, it is worth noting that due to specific conditions of Russia's expansion and rule on the imperial periphery, the «children of the empire» have entered the new post-Soviet epoch badly

prepared for the use of ethnicity as a means of political mobilization. Although numerous «Russian» organizations exist that were initiated by the ruling powers of the NIS and are closely linked to Russia's formal and informal structures of «compatriot» support they are not popular among the ordinary people, the majority of whom do not take them as true representatives of their interests.

Grass-roots organizations and networks seem to be a viable alternative to these official bodies of the «diaspora». Kazakhstan and Kirghizia are most illustrative of this point in Central Asia. In Kirghizia, with its relatively mild authoritarian regime exerting weak control over social life, the main divisions are along the lines «powers — opposition in a broad sense» (*vlasti — narod*) but not «Russian-speakers — titulars». Whatever opposition factions are taken, whether it be parties, social support and human rights groups, or mass media, almost all of them are «international», with Kirghiz working hand in hand with Russians, Jews, Koreans, Uzbeks, and so on. The people get mobilized for action by the burning problems at the national level (poor economic situation, corruption, shrinking of civil freedoms). Moreover, what is also undermining any stimuli for purely ethnic (or ethnocultural) consolidation is the fact that struggle for the preservation of the Russian cultural milieu is not on the agenda in Kirghizia and is gradually losing its topicality in Kazakhstan. Given the specificity of imperial contacts in Central Asia and severe Russification of the indigenous peoples of the region, both titular elites and titular population are now no less interested in the Russian language than the Russian-speakers themselves.

Summing up, en masse, Russian-speakers of the NIS neither feel nor behave like communities with the features ascribed to them by the Russian advocates of the «diaspora approach».

Focusing on the rise and contents of the various «localised» patterns of Russian-speakers' identities, and going forward beyond Pal Kolstoe's innovative idea about «territorializing diasporas», the author seeks to support an alternative vision of the Russian-communities as developing the so called autochthonous project. Some crucial issues related to its realization are touched upon, including titular intellectuals' perceptions of the Russian-speakers and, through introduction of interregional comparative perspective, specifics and possible trajectories of development of Russian-speaking communities in Central Asia and the Baltic countries (the cases polarity of which is deeply rooted in the pattern of colonization of the two regions).